

The background of the entire image is a fantastical landscape. The sky is a deep blue, filled with soft, white clouds. A bright sun or moon is visible on the horizon, casting a warm, golden glow. The foreground is dominated by several large, glowing blue flowers with yellow centers, which appear to be emitting a soft light. The overall mood is serene and ethereal.

Алла Соболева

Дорога в океан

Алла Соболева

Дорога в океан

«Автор»

2026

Соболева А.

Дорога в океан / А. Соболева — «Автор», 2026

Сказания и мифы о морских и речных жителях будоражат людей. Я решила создать свою версию мифа.

© Соболева А., 2026

© Автор, 2026

Алла Соболева

Дорога в океан

Серия «Сказки для взрослых»

Путь к океану

Глава 1

Мокрая рубаха

Лизавета уже долго сидела у пруда, смотрела на воду. Она печалилась. Всё выходило не так, как ей мечталось. Алексей долго за ней ходил, подарки дарил, дрался с парнями деревенскими из-за неё, и даже, пообещавши жениться, получил от неё дозволение на поцелуй....

Она теребила ленту, алую, с золотым проблеском, завязанную бантом на косе. Два длинных хвоста от банта развивались по ветру, а когда она вовсе голову склонила на колени и заплакала, то построились и по воде. У пруда была одна особенность, воронка по центру и оттого, слабое течение у бережков.

Лиза спохватилась, что косу-то в воду макнула и принялась выплывать дорогой подарок, чтоб просушить. Щёки горели пламенем. Да чего там щёки, вся голова, будто в печку сунули. И душа, и сердце, того и гляди выскочат, а Алексею уж всё равно, он уж с другой гуляет, другой подарки дарит, из-за другой дерётся с деревенскими парнями...

Захотелось ей охолониться. Представилось вдруг, что ежели она в воду прохладную не окунётся, то сердце у ней лопнет.

Сняла сарафан, осталась в длинной, до пят, рубахе. Вошла в воду. Вода ледяной ей показалась, до того разгорелась она на страстях своих, аж совестно стало. Алексей-то, и ране такой был, и она девушка не первая, за которой он волочился. Да только рукам его она волю не дала, а то бы он, незнамо что, с ней сотворил.

- А, ну, и нехай. Целее буду. А то ещё в подоле преподнесу, с такими-то ухажёрами. Барский подъездной, чего с него возмёшь-то, - сказала она вслух и пошла повдоль бережка.

Бережок, хоть и обрывистый, но не сильно, повыше колен глубина. А ежели идти на правую руку, то вон там вон, за ивняком, купальня девичья открывается. Там плёсом бережок выдаётся от воды, окружённый зарослями, и мелко там, по грудь, и песок на дне, и вода прозрачная и тёплая. Мужики туда не ходят. Разве что, охальник какой залезет, подглядывать, но такого девки и притопить могут, чтоб не озорничал.

Вот идёт Лиза медленно, придерживается за ивины ветки, потому как, течение несильное ей навстречу. Вот и плёс уж близко, глубина уж по грудь. И тут, вроде по ногам чтой-то проскользнуло, всколыхнуло подол и позади поднялось из воды. Тут же и руки её обхватили пониже груди, холодные, мокрые, видать давно человек купается, и прижали спиной к себе. Лизавете показалось, сквозь рубаху, что тело голое, а по силе, точно мужик.

- А ну, отпусти! А то, шас вот, дрыном-то я тебя! - заругалась Лиза. Она и испугаться-то забыла, больно зла была да раздосадована на Алексея, а тут ещё один!

Он отпустил и скользнул в воду.

Отломанная ветка не пригодилась, а её пораненая часть, гибкая и живая, хлестанула Лизу по подолу. Лиза оглянулась. Слабые круги по воде удалялись от неё дорожкой, как вереница из баранок. Только, чем дальше круг, тем меньше, а в середине самого дальнего взвился небольшой растрёпанный столбик воды, и круги пропали..., только рябь по зеркалу....

- Не потонул ба, лихоимец, - пожалела Лиза озорника и хотела двинуться дальше. Да не тут-то было..., подол запутался в ветках под водой. Лиза пожалела, что обломила толстую ветку, чтоб прогнать мужика, - Вот и запуталась, - расстроилась она.

Она уж и дергала подол, и тянула, и наверх хотела вытащить, всё напрасно. Озябла, хоть плачь. Делать нечего, нырять придётся, а для того, надо снять рубаху. А как её, снимешь-то? Воды по грудь, а подол не поднимается.

Она кое-как вылезла из рукавов, собрала подол сбоку в пучок, влезла в рубаху с головой и поднырнула.... На миг ей показалось, что видит она зелёные глаза..., без зрачков, полностью зелёные, как зеркальная вода, и такие же прозрачные..., а ресницы из каких-то иголочек..., и они сомкнулись тотчас, и глаза исчезли.

Лиза вынырнула свечкой, как в детстве. С-перепугу, взобралась на бережок, как дикая куница на дерево, и села в траве. Нагая, прикрыться нечем. Она какое-то время тарашилась на пруд, пытаюсь понять, что стряслось такое сегодня, что она духом, то и дело сокрушается. Потом пробралась к своему сарафану, назад, по-над бережком, надела его скорей, сплела из длинной травы попону, укрылась и пошла домой. Благо, их дом с краю, почти на пруду...

К ночи, поднялся у Лизы жар. Она металась на постели, глаза безумные настезь, стонет и всё дергает на себе сорочку, и одеяло, будто изорвать хочет, и кого-то всё прогоняет.

Весь дом переполошился. Хозяева встали поглядеть, чего прислуга носит. Лекаря позвали, сказали, что, мол, девку молоденькую жалко, работница хорошая растёт, да не рожала ещё никого. Зря, мол, крепостная пропадёт.

Лекарь явился быстро. Поглядел, указал, что это у Лизы душевное чего-то, дал микстуру и велел примочки на лоб класть всю ночь.

Повариха, тётка Марфа, над ней хлопотала. Она Лизе, вместо матери приходилась, выкормила, растила её, поучала и смотрела за нею. Она же Лизе и про Алексея правду сказала.

Вскоре, жар начал спадать, и Лиза заснула. Снился ей, тот самый момент, когда её охватили сзади, пониже груди, ледяные руки, и как она, чтоб мужика прогнать, мгновение одно из памяти выпустила, не удержала в голове горячий. А в том мгновении, рука, абсолютно гладкая, молочно белая, с едва уловимым серо зелёным оттенком. И вот она, Лиза, сломала ветку и ругается, гонит его прочь, а он руку свою и убирает..., и рука эта, будто без локтя, а сгибается, вроде она тянучка сахарная, покуда горячая ещё, а между длинных пальцев, с серыми длинными ногтями..., перепонки....

Лиза вскрикнула и проснулась. Сон, будто явь, повторился перед нею в её памяти. Она точно знает, что видела это, но память не хотела сохранять невероятное, невозможное. А может, всё-таки возможное? И она вспомнила зелёные глаза в воде, когда нырнула, чтоб освободиться из рубашки.... Она так испугалась, что страх вытеснил память о руке, охватившей её, и о холодном, гибком, обнажённом теле, к которому ее прижали.

- Правильно, откель у него одежа-то, коли он в воде проживает..., - прошептала Лиза.

Она ещё подумала о происшествии, поняла, отчего ей плохо сделалось, кто к ней в воде пристал, успокоилась и уснула. Последнее, что она подумала: "Стало быть, есть речные люди. Правду старики сказывают...".

Лиза проснулась от шлепка, будто жаба в окно заскочила. Ничего не соображая ото сна, она уставилась в оконце. Пузырь на лето убрали, и в проёме хорошо видно полную луну, россыпь звёзд и светлеющую полоску над кустами вишни, свисающей на подоконник.... А через подоконник перекинута мокрая рубаха Лизы, вся в песке и водорослях, с вплетённой плотно в ткань, водяной лилией...

Вода стекала на пол..., за окном, как оглашенная, заорала и зафыркала кошка. Лиза бросилась к окну, но ничего не увидела, только услышала всплеск в пруду, будто шлепнулся в воду кто-то огромный...

Глава 2

Нечаянный сон

Ночь предстояла длинная.

Едва стемнело, Лизавета села спиной к изголовью кровати, обняла подушку и застыла, уставившись на окно. Синева густела, наливалась чернотой. Полная луна, чуть ущемилась с одного боку, но светила ясно. Россыпь звёзд лежала неподвижно, иногда подмигивая ей, и будто выжидая чего-то, вместе с Лизой.

Она сторожко слушала ночные звуки.... Ни ветерка.... Лениво стрекочут сверчки, ухает сова, и пискляво вскрикивает, как метроном, с равным интервалом, пищаль, нагоняя ещё больше жути.

"А ведь в прежние-то времена, я под её стенания засыпала" - подумала Лиза и вздохнула в своем тёмном уголке.

Она вспоминала, как встретилась с кем-то неизведанным на пруду. Как боялась подойти к своей рубашке, какой ледяной оказалась лилия, вплетённая стеблем в ткань. Цветок, будто жидкий снег в оболочке, белоснежный, видна каждая жилка, и заиндевелившие тычинки, будто покрыты ледяной мучицей.... Красиво и страшно....

К рубашке никто не подходил, боялись. И только Лиза не забоялась, а взяла её и повесила на палочку, чтоб обсохла. Но она не сохла. Не оттаивал и цветок. Он получался расположением, как вышивка по левой стороне. Длинный стебель слился своими волокнами с нитями ткани, а цветок застыл, аккуратно под левой грудью.

Марфа, сказала, что Лиза теперь не жилец. Она сама слыхала, они с кучером под её окошком стояли с утра, да беседовали.

- Чего это, не жилец-то она? - спросил кучер Григорий.

- А то это. Он вона, выбрал её. И теперь обхаживать станет, куда она сама за ним не пойдёт. А как пойдёт, так и...

Повариха замолчала, послышались всхлипы.

- Чего, так-то? Сказывай уж, коли начала, - теребил её кучер.

- Погляди вон, чего через оконце висит перекинуто.... Видал?

- Ну..., рубаша девичья, - растерялся Григорий. - Так, что ж? Ну, висит.... А чего, она тут висит-то?

- А то, что вся в песке она и водяных травах. А явилась Лизка вчерась без рубашки! А в одном сарафане, на голо тело. Срамота. Да не моё это дело. Я видала, да смолчала. Нам, крепостным, по замужествам-то, не всегда ходить приходится, а бывает по-разному. Сам, чать, знашь.

- Знаю.

- Так вот. Рубахи энтой не было вчерась. Я воду варила с травой для неё, лекарь хозяйский велел. Носила её туды, Лизу обихаживала, и никакой рубахи там не висело. А сейчас глянь..., висит. Он принёс, - последние слова Марфа почти шёпотом сказала.

- Кто он-то? - так же тихо спросил Григорий.

- Мужик речной, балда. Экий ты, недогадливый, ей Богу.

- Рядом с нечистью, хоть Господа не поминай. И с чего ты взяла, что это речной мужик?

- А кто жа? Рыбы что ль, ей рубаху-то притащили?

- А ежели они речные, и плавают там, то у них должен быть рыбий хвост, - уверенно указал Григорий.

Марфа прыснула со смеху:

- Вот бестолочь-то, ей Богу. Право, бестолочь!

- Не поминай Бога, я тебе говорю, когда о нечисти рассказываешь, - строго приказал кучер.

- А чего он, нечисть-то? Люди вишь, везде живут. И с ногами, а не с хвостами! Раз сам притащил-то...

Так они и ругались, а Лиза лежала и слушала, покуда не пришла хозяйка и не справилась, как Лиза себя чувствует. Лиза сказала, что всё хорошо, только вот, рубаху кто-то ночью принёс. Хозяйка испугалась и рассказала Лизе историю, давнюю, про своего брата.

Было ему пять лет. Он на реке играл, на бережку, пока старшие мужики рыбу ловили, а женщины с девочками старшими сидели повыше, под навесом, беседовали, рукоделием занимались, да за мужиками наблюдали.

И вот, заговорились чего-то, глядь, а братишка в воде стоит, и уж глубоко зашёл, по шейку. Они кричат мужикам, сами вскочили, бегут, в подолах длинных путаются, а братец хлюп, и ушёл под воду, будто нырнул.

Мужики уж тоже спохватились, и давай, нырять. Долго ныряли, и ведь рядом он с ними был, братец-то, да только никого они не нашли. А когда мать уж в обморок повалилась, и все вышли на берег, глядь, а братец на противном берегу сидит и в руке держит ледяную лилию. Вот, точно такую же, как эта, что в рубаху Лизину вплетена.

- За братом поплыли на лодке. Забрали. Он ночь метался в бреду. Вот, как ты, Лиза, - указала хозяйка, - А после всё рассказывал, какие рыбки в воде живут красивые, какие там деревья диковинные произрастают, какие люди там беловато зелёные да прозрачные проживают, и глаза у них, как зеркало зелёное, и как они его на берег посадили и уплыли...

Она вздохнула тяжко, и по щеке покатилась слеза:

- Братец долго не прожил. Сам к воде ушёл со своею лилией, да там, на бережку, и помер от мороза. Зима была. Русалочья болезнь его одолела, опосля того случая, и в могилу свела...

Вспоминала Лиза тот рассказ, и стало ей ещё страшнее...

Вдруг, совы затихли, пищаль замолчала, сверчки, будто шёпотом стали стрекотать, и шелест, будто ветерок предутренный поднимается...

Лиза вытянулась в струнку, коленки к груди прижала посильнее, обхватила их и уставилась в окно.... Шлепки по каменной тропке..., ветки сиреневого куста качнулись..., опять шлепки по траве под окном.... Ветки вишни от окошка отодвинулись и замерли.... Окно высоко, никого не видно.... У Лизы сердце зашлось.... Белые длинные пальцы, с серыми острыми ногтями, охватили подоконник....

Лиза сразу смекнула, каковы эти лапищи, ежели подоконник охватили. Он ведь не узенький, а из широкой толстой доски сделан...

Вслед за пальцами показалась макушка..., будто в молоке травы толчёной наболтали..., лоб высокий..., глаза зеркальные, зелёные..., нос плоский, с лицом воедино слился, и две ноздри узкие поперечные.... Глядит..., осматривает горницу....

Лиза вжалась со страху в изголовье, оно и скрипнуло. Он голову повернул к ней, и глаза его вспыхнули. Поднялся..., во весь рост, видать..., и стал виден Лизе по пояс. Волосы длинные, и светятся, и сам весь светится. Рот у него без губ, и во всю ширь лица. А лицо длинное, почти треугольное к низу, подбородка нет, сразу в шею вливается, как у ящерок. А шея длинная, и плечи покатые, и мощные. Грудь тоже широкая, вся блестит под луной, переливается, и то ли белая, то ли зелёная, не поймёшь. Руки..., вроде бы и похожи на человеческие, сильные, и вроде согнуты, будто в локтях, но всё равно другие, будто без костей...

Лиза уставилась на такое диво и слова сказать не могла, а хотела ведь прогнать, как давеча, на пруду, охальника эдакого. Вишь, аж домой припёрся...

А он ей и отвечает, будто мысли её прочитал и прям в голову ей подумал:

- Я поглядеть пришёл, жива ли. Ведь в руки я тебя взял, а это для сухих людей нехорошо.

- Зачем же брал?

- Хороша больно...

- Бессовестный. Вон, своих девок, речных, тискай! А меня, не тронь! - строго подумала Лиза.

Он голову опустил, глазами на подоконник светит и тоску думает.

Лизе стало жалко его:

- Ты не сердчай на меня, молодец... речной. Я пожить хочу на белом свете, а опосля тебя, народ сказывает, я помереть могу. Это как? Так что, зря ты пришёл.

- Я не погублю тебя. Дозволь поглядеть только, и я уйду.

- И сколь ты разов глядеть на меня собираешься?

- А как придёшь на пруд, так и погляжу. И сейчас вот...

- Гляди и уходи. И спасибо тебе, что рубаху принёс. Только, что с ней делать, не знаю.

Не сохнет она никак.

- Коли не нужен я тебе, верни её в пруд...

- Не нужен, сказала я уж тебе. А скажи мне, почему хозяйский братец помер?

- Он захотел сам нам душу отдать. Больно ему у нас понравилось. Да ведь и спасли мы его зря. Судьба видать была такая, потонуть. Так Творец распорядился, а мы ослушались, жалко стало.

- И ты сам помнишь это? Тебе, сколь годов-то, коли ты хозяйского брата помнишь?

- Не знаю. Мы не считаем. Живем да живем.

- А звать тебя как?

- Ежели скажу, моя станешь. Спросила, значит, со мной хочешь пойти...

- Ой, не говори! Я ж ваших обычаев-то не знаю. Прости. Не хочу я с тобою.

- Вправду, не хочешь?

- Вправду. Ей Богу! Вот те крест! Не хочу...

- Ладно. Я пойду. В спину мне не гляди... захворает...

Он отошёл от окна и исчез, а Лиза услышала шлепки, и так ей захотелось увидеть, как он устроен, и пожалела она, что не спросила, как он по земле ходит, что она хотела вскочить и поглядеть, да упала и больно ударилась...

Лиза проснулась.... Лежит на полу, перед окном.... Поднялась, кое-как, глянула в окно.... Заря занимается. Трава под окном примята, и будто инеем посыпана, а на подоконнике красивый камешек лежит. Зелёный, переливается весь, как многослойное стекло, и светится....

Глава 3

Спелая луна

Лизу, будто подменили. Ни смеха тебе, ни веселья. Задумчивая стала и бледная, будто хворает.

А Лиза молчала и ждала, что с ней будет. Тётка Марфа, увидев в бане на её плече здоровенный синяк, спросила строго, откуда он. И Лиза рассказала, как очнулась у окна на полу, как ушиблась сильно.

- Вот, тебе и раз! Едрит твою в коромысло! Русалочья болезнь у тебя, касатушка, - сразу заключила тётка Марфа. - Кого коснулся водяной человек, тот уж вовек обратным не станет. Знаешь ты, что такое обратный-то?

- Нет..., - пролепетала Лиза, и слезы полились сами собой.

- Вот, к примеру, можешь ты сейчас обернуться, да вспять пойти?

- Могу..., - неуверенно ответила Лиза.

- Ну-ка, попробуй...

Вид у тётки Марфы был озабоченный.

- Вот..., - Лиза встала и повернулась несколько раз назад, потом прошла туда-сюда. - Ну, вот же..., - обрадовалась она, будто, незнамо что совершила, и заулыбалась.

Повариха оттаяла:

- Ладно. Видать, не сильно задел. Ну-ка, Расскажи-ка мне, ещё разок, как было всё на пруду.

Лиза рассказала, помолчала чуток, и пока тётка Марфа обдумывала, чего-то там своё, рассказала и про встречу ночью, после которой очнулась у окна.

Тётка Марфа медленно обернулась к ней, поглядела на неё глазами, полными ужаса, и прошептала:

- Ты, девка, считай, пропала.... Раз пришёл он за тобою, пропала...

- Он не велел ему в спину глядеть, чтоб не захворала.... И вовсе сказал, что глядеть на меня станет, когда сама на пруд приду. И боле сам не явится ко мне.

- А он и не являлся. Он в пруду тебя и ожидает. Сама пойдёшь. Русалья болезнь тебя погонит... к нему....

- Как же не являлся-то, коли вот что, он мне оставил, - и Лиза разжала кулачок, показала своё соковище.

Марфа воззрилась на зелёный камушек, что светился на Лизиной ладошке, и заплакала:

- Камень русалий. За им все ныряют, гибнут. В ночь Ивана Купалы он светится, и его будто бы, видать в водной тьме. Вот мужики и гибнут. Он сказывают, приворотить может любую женщину, которая мужику мила. И ты теперь, девка, от него не отсохнешь....

Лиза и сама знала, что хочет его увидеть, говорить с ним и... рассмотреть его, как следует...

- Каков он, обличьем-то, Расскажи, - попросила Марфа.

- Он..., - и тут, язык у Лизы онемел.

Тётка Марфа глянула в её вытаращенные глаза и, утерев слёзы, сказала:

- Ладно. Не надо мне этого знать. Бес попутал, вот и спросила. Полная луна скоро опять.... Гляди в оба глаза. Да на пруд не ходи. Особливо, ночью. Я подле твоей кровати лоханку с водой поставлю. Ты в неё наступишь, проснёшься, и никуда не пойдёшь. А лучше, не спи ночью одна. Со мной ложись. Я пригляжу, у меня сон чуткий...

Луна наливалась боками, спела, как золотое молодильное яблоко, яркое, огромное. Лиза сидела у окна и глядела на ночное светило с вожделением, будто чуяла сок ароматный волшебного плода..., хотя яблоки никогда не любила.... Она задумалась над таким предсказанием, но вид луны отвлек её опять. Ещё немного, пару дней всего..., и путь к нему откроется.

"Интересно, имя его каково, коли сам он... такой.... Ведь в человечьем-то понимании, он вовсе не красивый, а даже и страшный. Рот от края до края лица... или морды..., как правильно сказать-то? Нет, всё-таки правильно сказать, лица, он же человек. Руки у него есть и ноги, раз ходит-то он. Хотя вон, тётка Марфа сказывает, что он не приходил, что они делиться умеют, и себя, куда хошь отправлять, коли весть передать надобно, таким вот, бестолковым, как я..." - раздумывала Лиза и разозлилась на себя:

- И о чём ты думаешь-то, оглашенная. Тебе смерть лютая грозит в беспамятстве безумном, а ты тут поминаешь его... красоту....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.